

УДК 378.4(470-25)

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ОБРАЗОВАНИЯ В НАЧАЛЕ XX ВЕКА НА МОСКОВСКИХ ВЫСШИХ ЖЕНСКИХ КУРСАХ: ВЗГЛЯД ИЗНУТРИ (ПО МАТЕРИАЛАМ СЕМЕЙНОГО АРХИВА)

М. К. Попова

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 1 апреля 2025 г.

Аннотация: представленные неопубликованные воспоминания выпускниц Московских высших женских курсов начала XX в. позволяют выявить взгляд курсисток на высшее женское образование как средство повышения социального статуса, способ саморазвития личности, раскрыть уровень их политизированности, отношение к преподаваемым дисциплинам и профессуре.

Ключевые слова: Московские высшие женские курсы, внешний вид и внутренний мир курсисток, практикоориентированная педагогика, профессор глазами курсисток.

Abstract: unpublished reminiscences of a few students of Moscow higher women's courses at the beginning of XXth century are presented. The content of reminiscences reveals the role of the courses as means of the improvement of women's social status and personal self-development, shows the level of the girls' political involvement, their attitude to the curriculum and professors.

Key words: Moscow higher women's courses, girls' attire and inner world, social status, practical aspect of theoretical courses, professors as seen by students.

История Высших женских курсов (МВЖК), существовавших в Москве с 1872 по 1918 г. с перерывом в 1888–1900 гг., достаточно хорошо известна и неоднократно описана [1–6].

В данной работе использованы рукописные воспоминания курсисток начала XX века: Марии Аркадьевны Павловой (годы жизни неизвестны), в девичестве Тодоровой, Марии Николаевны Виноградовой (1886–1952), в девичестве Поповой, а также Надежды Петровны Корелиной (1854 – после 1940), слушательницы курсов В. И. Герье в первый период их существования и сотрудницы редакции журнала «Вопросы философии и психологии» в 1900–1918 гг. Все эти материалы, хранившиеся в семейном архиве Виноградовых – Ланиных – Поповых, в настоящее время переданы в музей истории МПГУ. Упомянутые выше мемуары были созданы в конце 1030-х – начале 1940-х гг. зрелыми авторами много лет спустя после окончания ими МВЖК, что отличает их от «Записок курсистки» А. И. Воиновой [7], написанных ею сразу после выпуска, изданных незначительным тиражом и сегодня мало доступных.

Воспоминания бывших курсисток позволяют взглянуть на учебный процесс, быт и настроения

девушек той поры их собственными глазами, изнутри, что помогает уточнить существующие представления о Московских высших женских курсах после возобновления их работы в 1900 г. и, тем самым, о женском образовании в дореволюционной России.

Неопубликованные рукописные воспоминания цитируются в статье в кавычках, фамилия автора указана или в тексте перед цитатой, или в скобках по ее окончании.

Обучение на Высших женских курсах в интересующий нас период (1905–1911) продолжалось 4 года. Администрация Курсов была очень компактной: директор, деканы факультетов (физико-математического и историко-философского, в 1906 добавился медицинский), их секретари, инспектриса и две ее помощницы. Работа секретаря была отнюдь не только канцелярской. Так, курсистка М. А. Павлова, которая по семейным обстоятельствам перевелась с Бестужевских петербургских курсов на Московские, вспоминая первое общение с секретарем Н. Д. Виноградовым, пишет: «Деловая беседа с секретарем незаметно перешла в беседу с профессором, специалистом по самой интересной для меня дисциплине» (педагогике. – М. П.). Благожелательность профессора сразу же сформировала самое по-

зитивное отношение курсистки к новому для нее учебному заведению: «...Я вошла в здание курсов как в чужое, холодное помещение, а ушла оттуда как из родного дома, куда постоянно хочется вернуться».

Девушки начала XX в. активно стремились к высшему образованию, были очень мотивированы. Как подчеркивает в своих воспоминаниях М. Н. Виноградова, она «понимала, что ее родители отпустили в Москву “учиться”, чего она и сама жаждала». При этом и она сама «хотела “учиться, учиться” и в первую очередь “учиться”».

Женщины того времени боролись за равные с мужчинами права во всех сферах жизни. И Высшие женские курсы играли заметную роль в этой борьбе, хотя бы уже потому, что их выпускницы имели право преподавать в женских гимназиях, младших классах мужских гимназий, а с 1911 г. их дипломы приравнивались к университетским.

Показательна судьба слушательницы Курсов первого периода их существования Н. П. Корелиной. Полученное на курсах Герье образование позволило ей преподавать в гимназии, стать сотрудницей журнала «Русская мысль», секретарем научного издания «Вопросы философии и психологии», где она проработала на ответственных должностях около 20 лет. Представляется особенно важным, что девушки, во всяком случае, некоторые, высоко ценили «духовный рост» (М. Н. Виноградова), который им давали занятия на курсах.

О серьезном отношении слушательниц к учебе говорит и их внешний вид. Приехавшая на учебу в Москву в 1905 г. М. Н. Виноградова вспоминала: «Курсистки 1905 года не все были похожи на старых курсисток типа Софьи Перовской. Но многие стремились подражать им. Во всяком случае курсистки 1905 года резко отличались от курсисток последующих годов 1907–1908–1909. Прежде всего, бросалась в глаза простота в туалетах: прямая юбочка, блузка под ремень, простой галстучек, скромная шапочка. Полное равнодушие и даже пренебрежение к франтовству».

При сходстве внешнего вида и общем стремлении получить образование, курсистки были все-таки очень разными. В 1905 г. в их среде выделялось «левое» крыло, представительницы которого были заметно политизированы, ходили на митинги, обсуждали текущее положение дел, «пребывали в волнении, беспокойстве, нескончаемых разговорах и спорах по комнатам (общежития. — М. П.), в разных сообщениях и “слухах” и с ними в разных сменяющихся летучих переживаниях».

Другие девушки избрали «путь учебы и науки, путь трудный, требующий сосредоточенности, вдумчивости» и заслужили такие прозвища, как

«философ в юбке», «синий чулок» (М. Н. Виноградова).

Учебниками курсистки пользовались первоклассными. В смутную предреволюционную осень 1905 г., когда регулярность занятий была нарушена, а стремление к знаниям оставалось, девушки обратились к учебной литературе. Как вспоминает М. Н. Виноградова, она «взяла книгу по философии и психологии “Введение в философию” Паулсена, “Древнюю философию” Трубецкого и начала читать одновременно». Это были серьезные, современные для начала XX в. книги.

Сохранившиеся воспоминания курсисток позволяют судить о некоторых особенностях учебного процесса. На первом курсе их увлекали такие предметы, как «Древняя философия, Введение в философию, Средневековая философия» (М. Н. Виноградова). Большая роль отводилась изучению иностранных языков. Даже в тревожную осень 1905 г. М. Н. Виноградова «уделяла внимание французскому языку». Работая над своими научными темами, курсистки должны были «использовать богатую литературу вопроса на русском и иностранных языках» (М. А. Павлова). Слушательницы Курсов имели возможность влиять на содержание учебного плана. М. А. Павлова вспоминает, как они добились замены одного семинара другим. Курсисткам очень нравился семинар (семинарий, как его называет автор воспоминаний) по педагогической психологии, который вел Н. Д. Виноградов. В следующем учебном году его должен был заменить семинар по философии. Однако слушательницы курсов обратились к руководству с письменным заявлением и попросили продолжить второй год подряд семинарий по педагогической психологии. Их просьба была удовлетворена.

Преподавательский состав Московских курсов без преувеличения можно назвать звездным. В разные периоды в него входили такие известные ученые, как В. И. Вернадский, И. В. Цветаев, В. О. Ключевский, С. А. Чаплыгин, Н. Д. Зелинский. Все упомянутые выше, как и многие другие, доныне являются гордостью отечественной науки, все знакомили слушательниц с новейшими достижениями в своей области. Но лекторами были разными, как можно судить по воспоминаниям курсисток. Так, М. А. Павлова, сравнивает, как преподавалась одна и та же дисциплина в Петербурге и Москве. Лекции одного из главных неокантианцев России А. И. Введенского (1836–1925), которые она слушала на Бестужевских курсах, «всегда имели уклон в сторону теоретизирования и философии». Московский профессор Н. Д. Виноградов, читавший философию и педагогиче-

скую психологию, «умел связать науку с жизнью». Первокурсница М. Н. Виноградова иначе воспринимала лекции того же профессора: «Н. Д. Виноградов читал монотонно, слушать было в начале утомительно, ибо они (лекции. – М. П.) заканчивались как в молоке, но по содержанию они были очень насыщены, полными, исчерпывающими, если их записывали, то можно было в книгу и не смотреть». М. А. Павлова, которая в период учебы на МВЖК была старше по возрасту и жизненному опыту, характеризует лекции этого профессора иначе. Уехав в 1909 г. в Одессу, она начала читать на Высших женских курсах Фребеля лекции по педагогической психологии и «в начале пользовалась конспектами лекций, прослушанных... в Москве у Николая Дмитриевича, и всегда в этих своих записях находила четкую постановку вопроса, выдержанную последовательность в плане изложения и критику, как с отрицательной, так и с положительной стороны».

Николай Дмитриевич Виноградов (1868–1936), имя которого неоднократно упоминается в данной статье, сегодня гораздо менее известен, чем его коллеги по Высшим женским курсам. Выпускник Московской духовной академии и истфака МГУ, он был ученым с широким кругом интересов: философ, психолог, педагог, «представитель синтетическо-антропологического течения в педагогике, стремившегося к установлению законов педагогического процесса, истоком которых служит человекознание». На Высших женских курсах «с 1910 года профессор Н. Д. Виноградов читал курс истории педагогических учений» [5], что для того времени было явлением новаторским. Н. П. Корелина, работавшая с ним много лет в редакции «Вопросов философии и психологии» вспоминала о его большой организаторской работе в среде философской научной интеллигенции, подчеркивала его «деликатность» и «основательность». Его научные труды, почти забытые, в XXI столетии вдруг оказались востребованными и переиздаются [8; 9].

М. Н. Виноградова в своих воспоминаниях говорила о себе в третьем лице, как о литературной героине по имени Мариам: «Увлекал ее и курс Средневековой философии, читаемый профессором Новгородцевым П. И. Более блестящего лектора по философским наукам она не слышала. У него такая чеканная речь, продуманность, сжатость, изящество в изложении своего предмета и обстоятельная тонкость в лекционной манере очаровывала и совершенно ее покорила».

Любили курсистки и Г. И. Челпанова, и аудитория его всегда переполнена. Он читал два курса – Психологию и Логiku. Мариам посещала эти лек-

ции без увлечения. В манере его изложения было слишком много простора и ясности, усваивалось всё очень легко, и его лекции были каким-то отдыхом. А в то время хотелось чего-то потруднее. Курс логики был посложней, но скучноват. Очень любила слушать по литературе Сакулина П. Н. и Розанова М. Н. Матвей Никанорович читал с <неразборчиво> манерой изящного сарказма, которая следовала в его критических статьях. Много поднимающего настроение пришлось переживать и порой восторгаться и красотой мыслей, и красотой слов – и уходить радостной и приподнятой с этих прекрасных лекций» (М. Н. Виноградова).

Каждый из упомянутых курсисткой преподавателей оставил заметный след в российской научной и вузовской истории.

Семинары проводились в соответствии с университетскими традициями того времени. «Праздничным событием были для нас, слушательниц, открытие семинария по педагогической психологии, в котором всеми участницами были разобраны систематически разработанные темы, в общей сложности являющиеся ценным дополнением к курсу лекций. Рефераты читались и оживленно обсуждались, причем Николай Дмитриевич (Виноградов. – М. П.) всегда позволял свободно высказываться желающим, а в своем резюме нередко преподносил и горькую для референтки правду, находя для этого точные, яркие, но не обидные выражения. Случалось и так, что после этого референтка сама по собственной инициативе бралась за полную переделку своей работы...» (М. А. Павлова). Эти воспоминания подтверждают высокий уровень мотивированности курсисток и вызывают некоторую зависть у современного вузовского преподавателя...

Интересны и темы рефератов, которые докладывались на семинарах: «Эрос и идеи у Платона» (М. Н. Виноградова), «Мышление и речь у детей» (М. А. Рыбникова), «Характер: история вопроса, различные учения нашего времени, темперамент и характер, воспитание характера» (М. А. Павлова). Формулировка последней темы носит очень развернутый характер, фактически передает содержание реферата.

На Высшие женские курсы стремились девушки со всей России. «Желавшие обучаться на курсах должны были предоставить на имя директора курсов заявление, адресованное в канцелярию попечителя учебного округа. В нем указывалось, в каком учебном заведении они обучались, когда его закончили, какое получили свидетельство, свой точный адрес. А в случае его изменения надлежало поставить в известность канцелярию (курсов. – М. П.), на какое отделение хотят поступить»

[4, с. 24]. Набор необходимых для поступления документов включал в себя свидетельство о рождении, аттестат об окончании гимназии, «свидетельство о политической благонадежности, письменное разрешение родителей, опекунов или мужа, три фотографические карточки» [Там же, с. 24].

Обучение на курсах было платным, 50 рублей за полугодие. Провинциалкам приходилось также платить за жилье, или частное, или интернатское, которое было неодинаковым по удобству. Одно из общежитий находилось в доме И. Пигита на Садовой улице. «В девяти квартирах располагалось общежитие Московских высших женских курсов Владимира Герье, рассчитанное на 61 место» [10]. Согласно справочной и адресной книге «Вся Москва» за 1917 г., «в нем имелось 11 одиночных комнат, 23 двойных, две комнаты, в которых могут разместиться по три живущих» [11]. Справочная книга сообщает и о плате (155 рублей за полугодие за проживание в комнате на двоих и 175 рублей за одиночную комнату), и об условиях: «Живущая получает помещение с отоплением и прислугой, стол, состоящий из утреннего чая, завтрака, обеда и ужина» [Там же]. М. Н. Виноградова описала, какое впечатление произвел интернат на ул. Садовой на юную провинциалку: «Вот и Пигит. Общежитие Высших женских курсов. Большой, серый, очень благоустроенный дом, которых в Москве было еще не так много. После Смоленского одноэтажного небольшого уютного домика с прекрасным садом он подавил ее своей громадой и казенщиной. Общежитие занимало три этажа в одном из крыльев этого дома. Ее провели в пятый этаж в большую комнату на двоих. Она оглядела всё кругом, всё показалось холодным и чужим. Пустые стены, две кровати, два стола, тумбочки и четыре стула, гардероб и умывальник, чистенько. Но со всех сторон камень, камень и камень, и она ощутила себя, как птица в клетке».

Курсистка оценивает общежитие Пигита как комфортабельное, «с большим штатом обслуживающего персонала, можно сказать, “буржуазное” по сравнению с другим курсовым общежитием в Мерзляковском переулке, “пролетарским”. Во главе всего интерната стояла весьма представительная почтенная заведующая типа институтской директрисы Лариса Васильевна Чоколова. Экономка была всегда со всеми ровная, добродушная Бранислава Александровна Вайцеховская, кормилица, которую в порывах нежности курсистки называли “милой Бадеечкой”. Затем много обслуживающего персонала: горничных, поварих, судомоек, очень “деликатный” единственный мужчина ламповщик (электричества еще не было) Василий, его жена, кроткая, красивая Марфуша, кри-

кунья швейцарка Поля “толстая” (была и “худая” на кухне). Все были на разных местах, а некоторые на “сторожевых постах”. Одни хранили тайны “барышень”, другие доносили их.

Были в этом интернате строго установленные стесняющие правила, как то: 1) срок вечернего возвращения – 11, не позднее; 2) запрещение принимать в комнатах курсисток посетителей. Особенно мужского рода. Для приема гостей существовали особые гостиные; 3) в определенные часы давали завтраки, обеды и ужины».

Порядки в общежитии, таким образом, были почти монастырскими. В своем дневнике, который она вела в годы учебы на МВЖК, М. Н. Виноградова, тогда еще Попова, вспоминает, что имела неприятности из-за того, что принимала в своей комнате приехавшего в Москву отца, Николая Ниловича Попова, почтенного священника Смоленской земской больницы и преподавателя 2-й женской гимназии того же города.

Значительную часть своего досуга поселившиеся в интернате «юные девы», как их называет М. Н. Виноградова, проводили в его стенах. Курсистка описывает хоровые собрания в столовой интерната, в которых ведущую роль играла Вера Воскресенская [см. о ней: 11]: «Часто Верочка после ужина задерживалась в столовой, садилась за пианино и пела с огоньком молодости и задора, аккомпанируя сама себе, а остальные окружали ее со всех сторон и хором подпевали. Голос ее был несильный, но певучий, приятный, увлекательный. Она запевала “Марсельезу”, “Варшавянку”, “Дубинушку”, иногда может быть детонируя, но с большой экспрессией. А тогда важно было не то, как поет, а что пелось (подчеркнуто автором. – М. П.).

Курсистки, обступая ее, просили петь и петь, и она мило и просто шла на их просьбы, и этим подкупала симпатии слушателей. Некоторые записывали эти всем известные песни, а иногда и импровизированные ею песенки. Мириам особенно любила в ее исполнении песенку

По дорожке крутой просторной тропой,
Что Владимиркой сдревле зовется,
Цвет России идет, кандалами гремя,
И “Дубинушка” дружно несется».

Уже перечисление исполнявшихся курсистками песен говорит о настроениях, царивших в их среде осенью 1905 г. Девушки «жадно, как губки, впитывали теоретическую премудрость тогдашнего политико-общественного образования, которое преподносила им сама жизнь» (М. Н. Виноградова). Характеризуя взгляды первокурсниц,

М. Н. Виноградова пишет: «Она не принадлежала по своему психическому складу ни к одной из политических группировок, ни к одной политической организации. Ее общественно-моральное лицо было пронизано настроением некрасовского стиха:

Иди к обиженным,
Иди к униженным
По их стопам.
Где горе слышится,
Где трудно дышится,
Будь первым там.

Вот таким настроением она была полна последние классы гимназии, и с этим психическим настроением она приехала на Курсы».

Остаться в стороне от надвигающихся грозных событий даже курсисткам, далеким от революционных дел, не удавалось. «Особенно остро в памяти ее сохранился митинг 9-го декабря 1905 года перед началом вооруженного восстания в Аквариуме [см. об этом митинге: 12]. Громадное здание было множества народа. Гремели речи. Вожаком собрания был “Седой” [см.: 13, с. 507] с вдохновенно страстными речами и выразительными жестами. Гремела “Марсельеза”: “Отречемся от старого мира...” – Затем темнота полная, потухло электричество. Здание окружили правительственные войска. Смятение, переходящее в панику. Опять запели “Марсельезу”, все подхватили. С эстрады объявили, что вожди уже успели уйти, чтоб прорывались <неразборчиво> и другие. Собравшихся стали разгонять. Выходили сквозь строй штыков узким коридором из жандармов с поднятыми над головой выходящих прикладами.

На другой день на Садовую была уже привезена пушка. Прогремел первый выстрел. Революция началась» (М. Н. Виноградова).

После начала декабрьского восстания все учебные заведения Москвы были закрыты и возобновили работу только следующей осенью. И настроения курсисток изменились. Как вспоминает М. Н. Виноградова, осенью 1906 г. «молодежь съезжалась уже другая. Никаких политических интересов не было. Начался период реакции. Выдвигался Арцыбашев со своим “Саниным”, Вербицкая с “Ключами счастья”, Шницлер со своими порнографическими рассказами. Курсистки попадались уже совсем не те. Много было занятых туалетами, нарядами, театрами, а потом уже книгой и наукой».

Курсистка кратко, но емко характеризует настроения в обществе после поражения революции 1905 г. Судя по популярному кругу чтения, образованная Россия в тот момент увлекалась массовой литературой, уходила от политики в частную жизнь.

В 1907 г. в столовой интерната звучала другая музыка. Курсистка Лида Зайцева, «имела своеобразный голос и с большим настроением пела по вечерам» романсы Чайковского, Грига, цыганские песни, много произведений «минорного настроения» (М. Н. Виноградова).

Однако молодежь и в годы реакции не поддавалась унынию. В 1907 г. М. Н. Виноградова вступила в студенческую группировку, состоявшую из студентов, курсисток, учителей. Стремясь противостоять «упадническому духу, вызванному реакцией», члены этой группы хранили «в себе оздоровляющие начала: развития “здорового духа в здоровом теле”. В связи с этим предпринимался ряд мероприятий физкультурного порядка, уделялось внимание спорту – лыжам, конькам, гребле (осень 1907 г.). Одновременно (автор воспоминаний. – М. П.) вела работу просветительскую с жителями и детьми “подвалов” в Университете» (М. Н. Виноградова).

Курсистки и студенты, не связанные с революционным движением и политическими партиями, продолжали заниматься помощью нуждающимся, их социальная активность оставалась высокой. Студенческая группировка, или, как она ее называет, комиссия, деятельность которой описывала М. Н. Виноградова, в 1908 г. смогла «летом вывезти более 80 детей в Малороссию на поправку в имение теток Мантейфеля на средства, собранные среди профессуры МГУ. Мариам играла здесь большую роль и как воспитательница, и как “хозяйка”» (М. Н. Виноградова). Фамилия Мантейфель требует пояснения. Пётр Александрович Мантейфель (1882–1960), потомственный дворянин, представитель древнего рыцарского рода, впоследствии известный советский биолог и охотовед, лауреат Сталинской премии [14].

Анализ представленных в данной статье неопубликованных воспоминаний курсисток позволяет сделать выводы о том, чем это образовательное учреждение было для своих слушательниц. Они, безусловно, воспринимали МВЖК как социальный лифт, позволяющий им занять достойное место в обществе. Именно поэтому они восхищались теми лекторами, которые связывали науку с жизнью, теорию с практикой. Однако девушки ценили и возможность духовного роста, саморазвития личности, которые давали им курсы. Воспоминания позволяют судить об уровне политизированности курсисток. Не будучи революционно настроенными, курсистки, тем не менее, разделяли некоторые идеи народников, были озабочены судьбами людей, особенно детей, из низших слоев общества и стремились им помочь, занимаясь благотворительностью. На страницах воспоминаний курсисток встает образ девушек целеустрем-

ленных, жаждущих знаний, карьерного и личностного роста, но в то же время равнодушных к судьбе общества и отдельных людей.

ЛИТЕРАТУРА

1. Москвин В. В. Московские высшие женские курсы в начале XX века / В. В. Москвин. – Москва : Прометей, 1999. – 204 с.
2. Дубицкая Е. А. Вклад В. И. Герье в разработку форм и методов обучения в высшем учебном заведении [Электронный ресурс] / Е. А. Дубицкая. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vklad-v-i-gerie-v-razrabotku-form-i-metodov-obucheniya-v-vysshem-uchebnom-zavedenii> (дата обращения: 24.02.2025).
3. Иванова Т. Н. У истоков высшего женского образования в России: организационная деятельность В. И. Герье в свидетельствах современников [Электронный ресурс] / Т. Н. Иванова. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/u-istokov-vysshego-zhen-skogo-obrazovaniya-v-rossii-organizatsionnaya-deyatelnost-v-i-gerie-v-svidetelstvakh-sovremennikov> (дата обращения: 24.02.2025).
4. Куликова Т. Н. Развитие высшего образования женщин в конце XIX – начале XX века: на примере курсов Герье [Электронный ресурс] / Т. Н. Куликова. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/razvitie-vys-shego-obrazovaniya-dlya-zhenschin-v-kontse-xix-nachale-xx-veka-na-primere-kursov-gerie> (дата обращения 24.02.2025).
5. Московские высшие женские курсы. 1872–1918 [Электронный ресурс]. – URL: https://web.archive.org/web/20130526045702/http://museum.edu.ru/catalog.asp?cat_ob_no=13048&ob_no=12870 (дата обращения 15.03.2025).
6. Эвенчик С. Л. Высшие женские курсы в Москве / С. Л. Эвенчик // Опыт подготовки педагогических кадров в дореволюционной России и в СССР. – Москва : [б. м.], 1972. – С. 4–99.
7. Воинова-Дандурова А. И. Записки курсистки / А. И. Воинова-Дандурова. – Москва : Сфинкс, 1913. – 467 с.
8. Виноградов Н. Д. Философия Давида Юма. Основные теоретические принципы / Н. Д. Виноградов. – Москва : Либроком, 2011. – 262 с.
9. Виноградов Н. Д. Философия Давида Юма: этика Юма в связи с важнейшими направлениями британской морали XVII–XVIII вв. / Н. Д. Виноградов. – Москва : Либроком, 2011. – 429 с.
10. Кирилина И. История одного здания: дом на Большой Садовой [Электронный ресурс] / И. Кирилина. – URL: <https://www.culture.ru/materials/256909/istoriya-odnogo-zdaniya-dom-na-bolshoi-sadovoi?ysclid=m6j4bxx5s2364954932> (дата обращения: 13.03.2025).
11. Дом № 10 | Общежитие Высших женских курсов Герье [Электронный ресурс]. – URL: <http://dom10.bulgakovmuseum.ru/photo/kvartira-47-obshhezhitie-vysshih-zhenskih-kursov-gerie/> (дата обращения: 13.03.2025).
12. Большая Садовая улица. Часть 7. Сад “Аквариум” до революции [Электронный ресурс]. – URL: <https://stapelia2784.livejournal.com/102827.html> (дата обращения: 01.01.2025).
13. Литвин-Седой // Большая Советская энциклопедия. – 3-е изд. – Москва : Издательство Советская энциклопедия, 1973. – Т. 14. – 624 с. URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/bse/165114/Литвин> (дата обращения: 15.03.2025).
14. Гохнагель В. «Он жил для людей...» / В. Гохнагель // Russian DAZ [Электронный ресурс]. – URL: <https://daz.asia/ru/on-zhil-dlya-lyudej/> (дата обращения: 15.03.2025).

Воронежский государственный университет
Попова М. К. – доктор филологических наук,
профессор
E-mail: mkp2007@yandex.ru

Voronezh State University
Popova M. K. – Dr. Habil. in Philology, Professor
E-mail: mkp2007@yandex.ru